

Цинь Сяочэн служил в Бюро особых расследований. По логике вещей, сотрудника такого уровня ни при каких обстоятельствах не должны были сослать в их глухой уезд, где чужаки отродясь не появлялись. Однако после того, как местное начальство отправило наверх рапорт о недавнем чертовски странном происшествии, Цинь Сяочэна спешно командировали сюда.

Его прибытие назвали временным дежурством, вот только о сроках возвращения никто не заикался.

Сунь Цянь поначалу недоумевал. В отделе к заезжему коллеге относились с глубоким почтением — всё-таки птица иного полета, да и способности у человека незаурядные. Но после нескольких недель совместной работы Сунь Цянь наконец всё понял. С таким невыносимым характером, как у Цинь Сяочэна, ужиться было попросту невозможно.

Пользуясь своим особым статусом, тот смотрел на местных оперативников свысока, общался сквозь зубы, а чужие слова и вовсе пропускал мимо ушей. Со временем в отделе не осталось никого, кто горел бы желанием вести с ним хоть какие-то дела.

Как выразился сам начальник уездного управления:

— Сделайте вид, будто его здесь нет. В конце концов, зарплату ему платим не мы.

Но сейчас ситуация была иной. Чу Вэй пришел сюда по приглашению Сунь Цяня. И то, что Цинь Сяочэн, кичась своими способностями, позволял себе подобные выпады, переходило все границы.

Сунь Цянь впервые решился открыто возразить столичному гостю:

— Офицеру Циню не стоит судить о людях по одежке. Мастер Чу, может, и молод, но его силе позавидует любой. Если что-то пойдет не так, я сам за всё отвечу.

Цинь Сяочэн лишь презрительно фыркнул:

— Ну-ну, погляжу я на это.

Чу Вэй протянул Сунь Цяню нож и что-то негромко шепнул ему на ухо.

Глаза полицейского округлились от изумления:

— Это... да как такое возможно?..

Чу Вэй спокойно кивнул:

— Сделайте экспертизу, и сами всё увидите.

Сунь Цянь торопливо достал прозрачный пакет для вещдоков, опустил туда испачканный кровью клинок и спешно выбежал из кабинета.

В комнате остались только Чу Вэй и Цинь Сяочэн.

Столичный оперативник искренне удивлялся тому, что в таком захолустье отыскался одаренный юнец. Впрочем, глядя на возраст Чу Вэя, он лишь укрепился во мнении, что парень нахватался вершушек и просто решил поиграть в героя перед взрослыми.

Смерив подростка насмешливым взглядом, Цинь Сяочэн язвительно процедил:

— Я знаю, что у тебя есть кое-какие трюки в арсенале. Но давай-ка профессиональные вопросы оставим профессионалам. Желание выпендриться — еще не признак большого ума.

Чу Вэй медленно поднял глаза, впервые по-настоящему посмотрев на собеседника:

— Дяденька, можно спросить?

Цинь Сяочэн нахмурился. Он интуитивно почувствовал, что от этого мальчишки не дождешься ничего хорошего, но любопытство всё же взяло верх.

— Чего тебе?

Чу Вэй едва заметно улыбнулся, его голос прозвучал обманчиво мягко:

— А вы знаете, что у вас за спиной прямо сейчас кое-кто стоит?

Цинь Сяочэн на автомате обернулся, но, разумеется, никого не увидел.

Однако в глазах Чу Вэя картина представала совершенно иной: прямо перед офицером лицом к лицу парил призрак покойного старика Чжао. Их физиономии почти соприкасались.

Решив, что сопливый малец попросту водит его за нос, Цинь Сяочэн мгновенно вспылil:

— Не думай, что если ты еще малолетка, я буду спускать тебе это с рук!

Но стоило ему повернуться обратно, как Чу Вэй молниеносным, неуловимым движением припечатал к его спине бумажный талисман.

Окружающий мир в то же мгновение преобразился. Воздух вокруг сгустился, наполнившись ледяной, осязаемой призрачной энергией. Цинь Сяочэн оцепенел, когда прямо перед его взором из ниоткуда соткался силуэт старика Чжао. Перекошенная от ярости, жуткая мертвецкая рожа оказалась в паре сантиметров от его собственного лица.

Зрачки офицера сузились от первородного ужаса. Он в панике отпрянул назад, потерял равновесие, зацепился пяткой за высокий порог и с глухим стуком повалился на пол, растянувшись во весь рост.

Чу Вэй выпрямился и с самым невинным видом пожал плечами:

— Я же предупредил, что там кто-то есть. Вы вроде взрослый дяденька, а под ноги не смотрите. Ну да ладно, не переживайте. Я еще ребенок, так что обиду держать не стану.

— Ты... — задохнулся от ярости Цинь Сяочэн.

Его лицо пошло пунцовыми пятнами. Спорить было бесполезно — он опозорился по полной программе. Такой мощный дух парил прямо в комнате, а он, хваленый специалист из столицы, даже не почувал его присутствия.

Чу Вэй небрежно отряхнул ладони:

— Дяденька, взрослым людям пора бы научиться отвечать за свои слова. А если таланта не хватает, то не стоит лезть... Хотя ладно, мы ведь договорились не ссориться. В конце концов, я тут лицо неофициальное.

В обычной жизни Чу Вэй не отличался разговорчивостью и предпочитал решать дела миром. Но он никогда не был мягкотелым слабаком, которого можно безнаказанно задевать. Если уж приходилось ставить наглецов на место, его язык становился острее бритвы.

Кое-как поднявшись на ноги, Цинь Сяочэн тяжело дышал, багровея от злости. Он судорожно соображал, как ответить на это унижение, но в этот момент в кабинет вихрем влетел сияющий от восторга Сунь Цянь.

— Всё в точности, как ты и сказал! Экспертиза подтвердила! Мастер Чу, да вы просто кудесник!

У Цинь Сяочэна внутри похолодело от нехорошего предчувствия.

На дворе дома старика Чжао воцарился полнейший хаос.

— За что вы меня вяжете?! Настоящая убийца вон стоит, а вы на меня наручники цепляете?! За что?!

— Эй, вы что творите?! А ну отпустите моего сына! Ах вы, душегубы в погонах, честного парня оклеветали!

— Люди добрые, поглядите, что делается! Полиция среди бела дня невиновных хватает! Справедливости нет! Мужа в гробу еще не похоронили, теперь и сына забрать хотите?! Как мне жить-то после этого?! Забирайте тогда и меня тоже!

Вопли матери Чжао Тяня эхом разносились по округе, привлекая внимание соседей и дежуривших у ворот репортеров с камерами.

Сунь Цянь оставался непреклонен. Он сухо скомандовал подчиненным:

— Чжао Тянь, вы задерживаетесь по подозрению в убийстве собственного отца. Прошу не оказывать сопротивления и проследовать за нами.

Один из оперативников шагнул вперед, чтобы защелкнуть на запястьях подозреваемого наручники, но Чжао Тянь со всей силы толкнул его в грудь.

Этот детина, обладая недюжинной силой и зычным голосом, взревел на весь двор:

— Вы совсем с ума посходили?! Он мой отец! С чего бы мне его убивать?! Не можете найти настоящего преступника, так решили на меня повесить?!

Сунь Цянь даже бровью не повел. Он лишь сделал знак рукой — и к подозреваемому подоспели еще двое сотрудников.

Вдова покойного, заливаясь слезами, металась между полицейскими, пытаясь закрыть сына собственным телом.

— Только попробуйте его тронуть! Я прямо здесь руки на себя наложу, если хоть пальцем коснетесь моего мальчика!

Молодые конвоиры в замешательстве переглянулись, не зная, как поступить, и выжидательно уставились на Сунь Цяня.

Шепотки среди собравшихся соседей становились всё громче. Никто не мог поверить, что Чжао Тянь способен на такое зверство. Старик Чжао души не чаял в старшем сыне, ни у кого в голове не укладывалось, что парень мог поднять руку на родного отца.

Сунь Цянь ледяным тоном оборвал причитания женщины:

— Будете мешать следствию — отправитесь в камеру вместе с ним.

Церемониться больше не стали. Под конвоем в отделение увезли и Чжао Тяня, и его завывающую мать. В опустевшем доме остались лишь младшие дети — испуганные подростки, которых Сунь Цянь временно поручил заботам соседей.

Чу Вэй тоже поехал в управление, устроившись на заднем сиденье машины Цинь Сяочэна.

Несмотря на уязвленное самолюбие, столичный оперативник всё же хотел докопаться до истины. Не выдержав затянувшегося молчания, он глухо спросил у Чу Вэя:

— Кровь на ноже... она принадлежит Чжао Тяню?

Чу Вэй равнодушно скользнул по нему взглядом:

— Дяденька, я ведь не специалист. Но убийца точно он, тут без вариантов. А вот как вы будете доказывать его вину — это уже ваша работа, не так ли?

Цинь Сяочэн подавился невысказанным вопросом и уставился на дорогу.

Теперь он окончательно убедился: этот пацан — его личное проклятие.

В комнате для допросов Чжао Тянь сидел, прикованный к тяжелому железному стулу. За стеклом с односторонней видимостью находилась его мать.

Увидев сына в таком положении, женщина забилась в истерику, колотя по стеклу и истошно выкрикивая его имя, однако допрашиваемый не слышал ни звука.

Стоявший рядом конвоир осадил её:

— Успокойтесь. Там абсолютная звукоизоляция, он вас не услышит.

В этот момент динамик под потолком ожил, транслируя голос Сунь Цяня:

— Чжао Тянь, ты обвиняешься в умышленном убийстве своего отца. Признаешь вину?

Подозреваемый упрямо вскинул подбородок и злобно огрызнулся:

— Какую еще вину?! Это мой отец, за что мне было его убивать?!

Сунь Цянь спокойно разложил перед собой документы и начал зачитывать хронологию событий:

— Восемнадцатого сентября ты работал на стройке. Но задолго до обеденного перерыва ты спешно покинул объект и больше там не появлялся. А уже вечером твоего отца нашли мертвым. Ответ следствию, где ты находился в этот промежуток времени?

В глазах Чжао Тяня промелькнула паническая растерянность, но он быстро взял себя в руки:

— Мало ли где я был! Это не доказывает, что я его убил.

Сунь Цянь не торопился. Он перевернул страницу отчета:

— Смерть твоего отца действительно выглядит странно. Он умер вовсе не от инфаркта, как все думали. Его убило проклятие. Чудовищный сглаз, который можно навести только с использованием крови ближайшего родственника. Я понятия не имею, у какого чернокнижника ты раздобыл эту мерзость, но экспертиза показала: на ритуальном ноже осталась именно твоя кровь. Будешь отпираться дальше?

Чжао Тянь заметно побледнел, но упрямство взяло верх:

— Какое еще проклятие?! Что за бред вы несете?! Вы вообще полиция или секта какая-то? С чего вы взяли, что кровь моя? У старика полно родственников! Моя сестра, Чжао Кэ, его люто ненавидела, вы же сами её заперли! При чем тут я?!

Сунь Цянь внимательно фиксировал каждую его микрореакцию. Теперь у него не оставалось ни малейших сомнений в виновности этого ублюдка.

Однако одних лишь косвенных улик для суда было мало. Нужен был сокрушительный удар, который сломает волю подсудимого.

Сунь Цянь заговорил тише, растягивая слова, и от его тона у Чжао Тяня кровь застыла в жилах:

— Твоя сестра действительно ненавидела отца. Но есть деталь, о которой ты, похоже, не знал. Врачи диагностировали у нее глубокую клиническую депрессию. В таком состоянии люди причиняют вред себе, а не окружающим. А вот что довело её до этого состояния... Семейная обстановка сыграла свою роль, но главная причина кроется в другом. Скажи мне, Чжао Тянь,

тебе самому не тошно от того дерьма, которое ты годами творил со своей родной сестрой?

Чжао Тянь судорожно сглотнул, его губы задрожали:

— О чем вы... Я не понимаю...

Сунь Цянь подался вперед, вперив в него ледяной взгляд:

— Чжао Кэ беременна. И нам не составит труда провести ДНК-тест, чтобы узнать имя отца.

— Исключено! Я всегда предохранялся, с чего бы ей забеременеть?! — в панике выпалил Чжао Тянь.

И лишь секунду спустя до него дошло, что он только что сотворил. Парень замер, осознав, что выдал себя с потрохами.

Сунь Цянь презрительно усмехнулся. В душе он готов был разорвать эту тварь на куски.

— Ну вот мы и разобрались. Мотив вырисовывается предельно ясный. Твой отец узнал о твоих мерзких развлечениях с сестрой. Будучи пьяным, он едва не разболтал об этом соседям. Чтобы сохранить свою тайну, ты решил убрать его, а вину свалить на сестру. Идеальный план — одним выстрелом избавиться от свидетеля и упрятать за решетку ту, кто мог тебя выдать.

Чжао Тянь замолчал. Поняв, что проговорился, он намертво замкнул челюсти и больше не проронил ни слова.

В соседней комнате его мать с глухим стоном осела на пол. Всё её существо содрогалось от осознания того, какого монстра она вырастила и в каком кошмаре жила её дочь.

Сунь Цянь видел, что подозреваемый ушел в глухую оборону. Тогда он решил прибегнуть к последнему козырю, который ему подсказал Чу Вэй.

— Знаешь... твой отец ведь так и не ушел. Он всё это время стоит прямо у тебя за спиной и слушает.

Чжао Тянь вздрогнул. Его голова дернулась, но он так и не нашел в себе смелости обернуться.

— Раз уж ты решился использовать темное колдовство, то должен знать: первые семь дней после смерти душа покойного не покидает этот мир, — вкрадчиво продолжил Сунь Цянь. — Твой отец здесь. Если не хочешь говорить со мной, я могу устроить вам личную встречу. Побеседуете с глазу на глаз.

Чжао Тянь затрясся всем телом, его зубы застучали от ужаса:

— Нет... не надо! Я... я всё расскажу! Всё подпишу!

Ночь уже полностью вступила в свои права, когда уставший, но довольный Сунь Цянь вышел из допросной. Заметив Чу Вэй, ожидавшего в коридоре, он поспешил к нему:

— Мастер Чу! Огромное вам спасибо. Если бы не ваша помощь, мы бы вовек не распутали этот клубок.

Чу Вэй спокойно качнул головой:

— Пустяки. Я могу забрать Чжао Кэ и учителя Цзи?

Из-за ошибочных выводов Цинь Сяочэна обеих женщин продержали в участке половину дня.

— Конечно-конечно! — закивал Сунь Цянь. — Сейчас оформим пару бумаг, и они свободны. Я с самого начала понимал, что эта девочка ни в чем не виновата, так что обращались мы с ними предельно вежливо.

Чу Вэй добился своего. Дальнейшие разбирательства его мало интересовали — это была забота правоохранительных органов.

Однако один вопрос не давал ему покоя. Перед уходом он негромко спросил у капитана:

— Офицер Сунь, удалось выяснить, кто научил Чжао Тяня этому ритуалу?

Подобные проклятия требовали специфических знаний. Такой темный и необразованный человек, как Чжао Тянь, не мог сам додуматься до ритуального убийства. За его спиной определенно стоял кукловод.

При этих словах лицо Сунь Цяня помрачнело:

— Об этом он молчит как рыба. Сколько ни бились — ни слова. Мы продолжим колоть его, и если всплывет что-то важное, я сразу же дам вам знать.

Чу Вэй молча кивнул. Оглядевшись по сторонам, он поинтересовался:

— А где наш столичный гость, офицер Цинь?

— Кипит у начальника в кабинете, — усмехнулся Сунь Цянь. — Дело-то было под его контролем, а он чуть не сгноил в тюрьме невинную сироту. Сейчас шеф устраивает ему знательную головомойку. Похоже, без строгача парень не отделается.

Это были внутренние дела ведомства, и Чу Вэй не стал в них вникать.

На самом деле его просто заинтересовало Бюро особых расследований. Он смутно помнил рассказы мастера Ляокуна о том, что на делах, связанных с чертовщиной, этот секретный отдел зарабатывает весьма приличные деньги.

После того как женщин отпустили, Сунь Цянь вызвался лично отвезти их домой. Чу Вэй отказался ехать с ними и решил прогуляться пешком.

В Цинсяне он прожил почти всю жизнь. Здесь прошла его учеба в начальной и средней школе, здесь же он оканчивал старшие классы. Каждая улица, каждый переулок этого уезда были ему знакомы настолько, что он мог бы дойти до общежития с закрытыми глазами.

Глубокая ночь окутала город. Тусклые уличные фонари едва разгоняли мглу, оставляя дорогу под ногами практически невидимой.

Свернув в один из глухих проулков, чтобы срезать путь, Чу Вэй резко остановился.

Этот поворот он видел сегодня уже в третий раз.

Старый, больше похожий на декорацию фонарный столб жалобно треснул, и единственная лампочка окончательно погасла. Весь мир вокруг погрузился в абсолютную, удушающую тьму.

И вдруг в самом конце глухого тупика вспыхнул едва заметный, призрачный огонек. Там, посреди мрака, медленно отворялась сияющая дверь, словно зазывая заблудшего путника войти внутрь.

Чу Вэй изогнул бровь в усмешке. Надо же, какая наглость.

Обычный человек, оказавшись в такой ловушке, наверняка бросился бы к этому спасительному свету.

Вот только невежды не понимают: стоит переступить этот порог, и обратного пути уже не

будет. Это не спасение, а врата в чистилище.

Кто-то явно очень спешил избавиться от свидетеля, пока следствие не вышло на истинного виновника, и решил нанести удар первым.

Чу Вэй презрительно хмыкнул. Он ловко извлек из кармана чистую бумажную заготовку для талисмана и уже занес пальцы, собираясь прокусить их для начертания кровавой руны.

Но не успел он опустить руку, как чьи-то сильные пальцы мягко, но властно перехватили его запястье, бережно убирая его ладонь в свою.

Внутри у Чу Вэя всё похолодело. Кто это? Он не уловил ни единого шороха, ни малейшего колебания энергии при его приближении.

А в следующее мгновение у самого его уха раздался низкий, бархатистый голос, в котором сквозило мягкое, до боли знакомое ворчание:

— Чуть что — сразу кровь пускать. У тебя её что, девать некуда?

<http://bllate.org/book/19040/1951739>